

Артем Васильевич Попов родился в 1980 году в городе Северодвинске Архангельской области. Окончил филологический факультет Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Работал журналистом в городской газете. Печатался в «Роман-газете», журналах «Юность», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Бельские просторы», «Север», «Дон» и других изданиях. Автор книг прозы «Счастье прошедшего времени», «Избачиха». Член Союза писателей России. Живет в Северодвинске.

Артем Попов

РАЙСКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ

Рассказ

Семен каждое утро с неистовой силой мел тротуар у отеля, будто хотел довести его до идеальной чистоты, выковырять даже камушки, оказавшиеся в асфальтовой смеси. Был он предпенсионером (вот тоже придумали слово!) и выглядел типичным дворником. Фуфайку носил чуть ли не полгода, с ранней осени до первых листочков в мае. Сам худющий, что кол, но благодаря этой деревенской одежде казался полноватым. От ветра и солнца щурился, у него часто текли слезы, и сделать с этим ничего было нельзя, только достать нечистый носовик, вытереться и тут же высморкаться. Старая кроличья шапка с поднятыми ушами расплзлась на его голове, словно это сам кролик на нее запрыгнул. На ногах тяжелые, всегда грязноватые сапоги, с которых сыпался песок и отлетали прилипшие листочки, за что его не любили пускать даже в холл отеля, при котором он работал.

— Опять после тебя мыть! — ругалась уборщица Надя, толстуха, которая жила в той же деревне через дорогу, что и Семен.

— Ты у нас всех клиентов распугаешь! Иди-иди, — шипела администраторша Вероника. И, кажется, добавляла тихо: «Чучело». Или Семену так слышалось? Она относилась к нему брезгливо, как к при-

слуге (а сама-то кто?), и он это чувствовал. Словно бездомная дворняга с грязными лапами, Семен побито удалялся из дворца с белым мраморным полом.

Когда-то в этом здании был советский Дом отдыха, который теперь превратился в спа-отель. Что сие мудреное название означает, Семен толком не знал и объяснял по-своему: «спа» — начальное от «спать». Слово «отель» он говорил с мягким «т», что звучало забавно: не «отэль», а именно «отель». Почти «отель» или «отел».

Движения у дворника были быстрые. А как иначе? Жил он бобылем. Кроме работы, приходилось еще и свой домишко обихаживать. К семи утра он приводил в порядок дорожки из спального корпуса к столовой, чтобы на пути к завтраку никто не поскользнулся или не ступил в лужу, замаскированную листьями. Летом убирал не донесенные до урн бутылки, пакеты от чипсов, окурки. Словом, и зимой, и летом он постоянно с чем-то боролся: с природным мусором или человеческим.

Почти все деревенские жители работали в Доме отдыха — горничные, повара, медсестры. Так уж исторически сложилось: деревенские всегда пахали на городских, кормили их. Кажется, и сам Дом отдыха построили рядом, чтобы недалеко им было идти на работу. Но официальная версия другая: здание поставили у озера, в котором нашли в 70-х годах уже прошлого века целебные илистые грязи, — со дна их выкачивали мощным насосом. Когда судостроительный завод, который возвел этот дом отдыха для своих сотрудников, отказался в тяжелые годы его содержать, все чуть было не остались без куска хлеба. Сельским хозяйством деревня в то время уже не жила, здешние поля заросли сосенками.

К счастью, Дом отдыха выкупили какие-то нувориши (замечательное определение тотчас дал им народ — ну-вориши, ну-воришки) и мигом сделали из совкового здания некий спа-отель. Грязи, которыми поливали работяг чуть ли не из шланга, теперь аккуратно размазывали по телу специальными лопатками за весьма немалые деньги.

Семен помнил, как в детстве с друзьями они мазали друг друга этой самой жижей, и те, кто выпачкался, должен был в догонялках «водить». Грязь начиналась прямо после пляжа, стоило немного пройти в воду от берега. В последние годы ее качали с другого края озера, примыкающего к болоту, и потому эта топь казалась неисчерпаемой. Семен никак не мог взять в толк, как можно платить бешеные бабки за то, чем раньше все пользовались бесплатно.

Но больше его раздражали некоторые обитательницы «Дома отдыха». Он неодобрительно смотрел на них и зло думал: «Никакая им грязь уже не поможет. Телки». Семен терпеть не мог, когда немолодые женщины носили не штаны, а трико почти в обтяжку, тогда были видны резинки трусиков на несколько размеров меньше, чтобы соблазнительно утягивать пышные ягодицы.

Новые хозяева отеля разделили номера на три типа: первый этаж — третья категория. Это были небольшие комнаты с плиткой в ванной, сохранившейся еще со времен Дома отдыха. Второй этаж — соответственно, вторая категория. Отремонтировали эти номера так себе: явно сэкономили. Ну и третий, мансардный этаж, — люксы. Шиканули на материалах, но ремонт делали криворукие выходцы из бывших южных республик. В крыше прорубили окна, теперь лежи на кровати и смотри сквозь прозрачное стекло на корабельные сосны, догоняющие небо, и верхушки старых хмурых елей. Можно и на улицу не выходить.

Семен заметил, что отдыхающие из третьей категории, часто приезжавшие в отель на рейсовом автобусе, были более капризные. Из каждого дня в отеле они хотели выжать максимум. Те, кто поселился в люксах, добирались на собственных авто, которые по размеру выглядели ничуть не меньше баньки Семена.

В последние годы у него появилась привычка подкармливать здешних птиц хлебом, который оставался после едоков в столовой. За такую привычку его ругали: после птиц на асфальтовых дорожках оставались некрасивые следы. Семен не мог видеть, когда хлеб, как другие отходы, выбрасывали в контейнер. Его тетка, пережившая блокаду, точно убила бы этих столовских работников.

Каждое утро после приборки территории он доставал пакетик с сухарями. Птицы его уже ждали, узнавали по фигуре. Только полезет во внутренний карман — тут же слетались, приветственно ворковали. Веселились, словно дети, воробушки, синички и голуби. Только вечно недовольные вороны сердито каркали на самых верхушках берез.

«Боятся, етишкин корень! А чего бояться? Я их не съем», — то ли думал, то говорил вслух Семен.

За птиц его особенно шпыняла директриса отеля. Она знала, что Семен нещадно критиковал ее за неумелое хозяйствование: зачем, например, прежние пластиковые рамы заменила на новые, тоже пластиковые?

— Лет семь, не больше, отстояли. Деньги отмывает, поди! — говорил охраннику. Видимо, тот и донес руководству такое его разоблачительное мнение: и без того миниатюрная зарплата у Семена резко уменьшилась. Правда, как компенсацию, одну старую раму он ночью уволок, чтобы вставить у себя в доме.

Но не может человек без мечты. У Семена она рождалась долго, в те часы и дни, когда он подметал мусор, выкидывал снег на газоны. Он выносил ее, как ребенка: «Хоть пару бы дней отдохнуть в этом заведении!» Но как? Он знал ценник: два выходных дня с процедурами (теми самыми, «грязными») обходились в месячную зарплату дворника. И это совсем не шутка. Он кое-как выживал. После получения зарплаты ездил в город в огромный, как аэропорт, мегамаркет на окраине за продуктами, которые стояли рядом с бытовой химией. Не один он, конечно, там закупался, многие деревенские жители, да и бедные городские тоже. Что брал? Отходы от кур для супа. Консервы на день, когда было не до готовки. Макароны... Ну, может, Семену зарплаты хватало бы и на большее, если б не известная страсть. Да, выпивал, что еще оставалось делать в деревне после тяжелой работы, надо отдохнуть было? Но на мечту он начал потихоньку копить.

Конечно, не каждый месяц удавалось откладывать в шкатулку по красной бумажке с Петром Первым. Шкатулочка была, к слову, самой красивой вещью в холостяцком доме Семена. Хохломская роспись, внутри красная, вся покрытая блестящим лаком. Семен не пропил эту чудную вещицу после смерти матери, не посмел. В шкатулке она хранила украшения, обручальное колечко, простенькие бусы. Вот в эту прелесть он и собирал на свой отдых. Иногда, правда, он брал из своего «энзэ». Пришлось копить и копить, откладывать. Отпуск он обычно проводил в деревне, с удочкой у озера. Никуда не ездил. А куда? Все родственники тут, правильнее сказать, там, на том свете.

Прошла зима, лето, но Семен не отказался от своей затеи отдохнуть в отеле, только и жил мечтой, когда приходилось совсем тяжко. Снег вытягивал жилистые, с синими венами, руки. Тонкие сухие ноги к вече-

ру не держали Семена. «Вот отдохну маленько, подлечусь, как эти телки!» — успокаивал он себя.

Обещанного себе тоже три года ждут. Сумма собралась как раз к очередному отпуску. «Пусть не 28 дней, а два, но проведу, как в раю», — мечтал. И начал собираться в отель. Что же надеть? «Етишкин корень! Трико в дырках», — заругался на себя. Джинсы у него были «на выход». «Вот в них и буду щеголять», — решил. Упаковал новые рубашку и футболку (тоже из мегамаркета, в корзине у кассы взял). Вот с трусами вышла досада. Стыдно было новые покупать — в очереди незнакомые люди увидели бы. Пришлось взять старые, семейные, по колено.

И вот радостный день наступил. Добираться от дома до отеля недалеко, надо пройти котельную, пересечь асфальтовую дорогу. На смене в отеле как раз дежурила та самая администраторша Вероника, которая его не пускала погреться даже в морозы.

— Путевку мне в «Райское наслаждение». На два дня, — Семен знал, как называется самая дорогая путевка. — Номер в люксе.

— Ты обалдел? Иди, проспись! — заорала Вероника. Лицо надулось от гнева и стало красным.

— Но ты... Вот деньги! Оформляй, не ерепенся! — Семен еле сдержал матерное слово.

Он кинул через стойку свой потрепанный, без обложки, паспорт и пятисотки, аккуратно перевязанные резинкой.

Надо было видеть физиономию Вероники. Она взяла деньги, медленно пересчитала. Чуть не каждую купюру смотрела через специальный прибор: не фальшивая ли. И этим тоже хотела унижить Семена.

— Шевелись быстрее. Время — деньги! — Семен взял тон Вероники.

Вот и завелный ключ от люкса в мозолистых руках. Как долго он ждал этого момента! Зашел в номер и почувствовал себя, словно прыщик на красивом лице. Зеркало во весь рост. Две стены поклеены обоями одного цвета, другие две — иного. «Дизайнерский ремонт, етишкин корень!» — удивился Семен.

Он прошел в уличной обуви, улегся на кровать и... утонул. Словно перина. Откинул покрывало — белоснежное постельное белье. Такого он никогда не видел. Вдохнул сладкий аромат роз, исходящий от подушек. Однако разлеживаться было некогда. Заурчал живот — дома ничего не поел, и Семен отправился на завтрак в столовую.

— Ты чего такой нарядный? Как жених! Только галстука не хватает! — засмеялась повариха Антонина. — За хлебом рановато еще.

— Я путевку купил. Давай накрывай поскорее! — грубо ответил Семен. Он поймал себя на мысли, что говорит, как телки из номеров третьей категории, — с гонором.

— Талон от путевки! — побелев, как молоко, потребовала с Семена Антонина.

Он молча подал документ.

Таких завтраков у него никогда не было. Кажется, Семен наелся на весь день. Каша, омлет, кофе с круассаном — или, по-простому, с булочкой. Еле встал из-за стола. Впереди значились грязевые аппликации.

В лечебном корпусе дежурила молодая женщина Настя Тошиха, тоже из их деревни.

— Дядя Семен, а чего это вы здесь делаете? — спросила по-доброму.

— Я путевку купил, — он повторил ту же заученную фразу, что и в столовой. — С питанием и процедурами.

— Ну, тогда проходите, раздевайтесь. Сейчас я вас омоложу, — и запнулась. Это слово явно не подходило Семену. — Подлечу.

Семен знал, что надо раздеваться, чтобы принять грязь. Чуть не упал, путаясь в джинсах. Старые трусы, как паруса, развевались на тощих ногах. Стало неловко.

— Полностью раздевайтесь, трусы снимайте, — сказала Настя без эмоций, буднично.

— Как это? В трусах-то можно? — закричал Семен.

— Дядя Семен, так испачкаются же, не отстираете. Да и полезно для... — Настя замялась.

Семену ничего не оставалось, как снять последнее. Прикрывшись ладонями, зашел в кабинку.

— Ложитесь на спину, — продолжала мягко командовать Настя. И стала мазать его грязью. Потом укутала пленкой, одеялом, и он оказался, словно в коконе.

— Лежите, отдыхайте, — и ушла.

Потек пот, застучало сердечко. «Ну и сраму натерпелся на старости лет», — думал Семен про себя.

Не в радость была эта процедура, еле смыл грязь. Одеваясь, вспомнил свои детские ощущения: кожа стала такая же бархатистая, как после грязевых купаний с друзьями в озере.

Потом наступил обед, который опять до невозможности наполнил плоский живот Семена. Отрывая компотом, он улегся, не раздеваясь, на кровать и... заснул. Впервые в жизни он спал крепким сном днем, не после алкоголя, а просто так. Проснулся, когда начало темнеть.

Еще одна процедура ждала Семена — циркулярный душ. «Циркулярную пилу знаю, а что такое душ...» — думал уже со страхом. Оказалось, что из металлических трубок под давлением били по всему телу мелкие, но сильные струйки теплой воды. Он невольно засмеялся, будто его щекотали под ребрами. Опять вспомнилось детство: так его в первом классе щекотали Тонька и Ксюха из параллельного: крупные не по годам девочки крепко зажали его в темном углу под лестницей, и он не мог вырваться... Года три назад Тонька сгорела с мужем после запоя в своем доме, а Ксюха нашла («выписала», как говорили в деревне) по интернету жениха в Швеции и уехала туда с концами.

А потом впереди был по расписанию расслабляющий массаж. Снова пришлось показать свои столетние полосатые трусы, но в этот раз незнакомой девушке-массажистке. Массаж был от головы до пальцев ног. То ли запах масляной лампадки в массажном кабинете, то ли тихая медленная музыка подействовали, но Семен снова чуть не уснул. Мягкие движения по голове напомнили руки матери, которые приглаживали непослушные вихри. Она не выдержала запойной пьянки любимого сыночка — сердечный приступ... У Семена заныло под сердцем: мать! Сколько он не ходил на могилку?! Прости, мама...

Разбередил этот отель его старые раны. После ужина Семен зарулил в поселковый магазин, не удержался — купил «маленькую». Разделся в номере, улегся под пуховое одеяло, которое ему показалось таким легким, что будто и не было его вовсе. Он смотрел сквозь стекло в потолке на рассыпавшиеся в беспорядке звезды и думал: а счастлив ли он сейчас? Неужели счастье заключается в животе, заполненном до невозможности в столовой, мягкой, как в детстве, коже после грязи? А может, секунды счастья были в тех воспоминаниях, что вдруг нахлынули? Или только

сейчас у него появилось время, чтоб оглянуться назад, не убирать мусор за другими, а прибраться в своей жизни?

Кровать, которой Семен так наслаждался еще с утра, показалась ему сейчас неестественно мягкой, затягивающей, словно болотная топь. Он хорошо помнил, как тонул в трясине за деревней, когда ему было лет десять. Во всем виновата клюква, за которой он с пацанами отправился без взрослых. Если бы сосед Димка, старший из их компашки, не кинул вонючую жердину, не вылезти бы самому... Он привык спать на твердом — дома до сих пор стоит металлическая кровать с продавленной ржавой сеткой. «Не было перин — и не надо», — успокаивал себя, ворочаясь с боку на бок. Долго не мог уснуть, сказывалась выпитая дешевая водка. Только к утру Семен забылся тревожным сном.

Пробудился от голоса пичуги, севшей на приоткрытое пластиковое окно. «Черт, я же не покормил своих птах!» — поспешно сел он в постели. Солнце светило в глаза, отчего они заслезились.

Семен быстро собрал вещички и спустился вниз. В отеле стояла непривычная тишина.

— Ты куда? Еще же день у тебя! — удивилась сонная Вероника.

— На работу! Хватит валяться!

Даже не удостоив администраторшу взглядом, побежал домой. Там на ветках старых раскидистых берез его уже ждали веселые воробьи, синички и радостные голуби.

Переодевшись в привычную для себя мешковатую одежду, он с новой силой принялся мести тротуар, улыбался солнышку и был по-настоящему счастлив.

